

КОМПЕНСАЦИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА ПРИ НАРУШЕНИИ ПРАВ НА УВАЖЕНИЕ РОДСТВЕННЫХ И СЕМЕЙНЫХ СВЯЗЕЙ

Н.А. Темникова, Е.Л. Невзгодина

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

22 июня 2023 г.

Дата принятия в печать –

29 декабря 2023 г.

Дата онлайн-размещения –

20 марта 2024 г.

Ключевые слова

Право на уважение родственных и семейных связей, право на общение с ребенком, компенсация морального вреда, учет мнения ребенка, интересы ребенка, виновное поведение родителя

Допустимость более широкого применения компенсации морального вреда при нарушении семейных прав активно обсуждается в науке семейного права. Необходимо учитывать специфику семейных отношений в целом как глубоко личных и то, что ст. 8 Семейного кодекса РФ не ограничивает защиту семейных прав теми способами, которые указаны в нормах Семейного кодекса РФ, допуская применение иных способов. Расширяет возможности применение данного способа защиты Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда», в соответствии с которым моральный вред, причиненный в связи с неуважением родственных и семейных связей, должен быть компенсирован. Рассмотрены условия применения такой меры ответственности, как компенсация морального вреда, в случае ограничения права на общение с ребенком отдельно проживающего родителя. Фиксируется, что необходимо учитывать действия самого потерпевшего по отношению к членам семьи с целью недопущения злоупотребления правом.

COMPENSATION FOR MORAL HARM IN VIOLATION OF THE RIGHT TO DISRESPECT FOR KINSHIP AND FAMILY TIES

Natalia A. Temnikova, Elena L. Nevzgodina

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Article info

Received –

2023 June 22

Accepted –

2023 December 29

Available online –

2024 March 20

Keywords

The right to respect kinship and family ties, the right to communicate with the child, compensation for moral harm, consideration of the child's opinion, the interests of the child, the guilty behavior of the parent

Introduction. The admissibility of a wider application of compensation for moral harm in violation of family rights in the science of family law is assessed ambiguously. The law provides for such an opportunity only in art. 30 of the Family Code for a conscientious spouse when the marriage is declared invalid.

It is necessary to take into account the specifics of family relations, as deeply personal, and the fact that art. 8 of the Family Code does not limit the protection of family rights in the ways specified in the legal norms, allowing the use of other methods. At the same time, in accordance with the provisions of art. 4 of the Family Code, the application of civil legislation to family relations is allowed, if it does not contradict the essence of family relations, which leads to refusals in a claim for compensation for moral harm due to the presence of obstacles to relatives from one of the parents in communicating with the child, due to the fact that the provisions of the current civil and family legislation do not provide for the possibility of his penalties.

One of the most important reasons for the negative attitude of the courts to the fundamental permissibility of a wider application of the above-mentioned measure of responsibility in violation of family rights is seen in the absence of developed conditions for an offense that would be the basis for the application of compensation for moral harm, given that such conditions, taking into account the specifics of family relations, differ significantly from the usual conditions of civil liability.

Goal. Identification of the criteria of private and family life applied by the European Court of Human Rights, as well as the study of the fundamental possibility of filing a claim for compensation for moral harm caused by the refusal of a parent to provide an opportunity to communicate with a child and participate in his upbringing to a separate parent.

Methodology. In the course of the research, methods of generalization, description, analysis, synthesis, formal legal method were used.

Results. The necessity of expanding the subject of proof in such a dispute with the inclusion of the following circumstances is justified. The presence of objective obstacles to communication, which can be associated with both the child (illness, unwillingness of the child to communicate with the parent), and with the personality of the parent living separately, communication with which can negatively affect the child. It is necessary to take into account the opinion and interests of the child. It is also necessary to take into account the actions of the parent himself, demanding compensation for moral harm, so if he evades the duties of maintaining his child, we assume the possibility of refusing the claim. Making a decision on compensation for moral harm involves taking into account the fault of the causer and his motives, which should not correspond to the interests of the child.

1. Введение

Компенсация морального вреда при нарушении личных прав граждан активно используется при охране гражданских, трудовых и иных прав. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда»¹ (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 33) были отражены современные позиции правоприменительной практики, ряд из которых не имеет непосредственной нормативной поддержки, но выведен путем толкования положений гражданского законодательства.

Возможность применения компенсации морального вреда как меры ответственности при нарушении семейных прав неоднократно становилась предметом как научного, так и судебного исследования. Законодатель прямо предусмотрел такую возможность только абз. 2 п. 4 ст. 30 Семейного кодекса (далее – СК) РФ для добросовестного супруга при признании брака недействительным (например, п. 18 Обзора судебной практики по делам о признании брака недействительным)².

Позиции ученых относительно возможности компенсации морального вреда в иных семейных отношениях существенно расходятся, что обусловлено следующими рассуждениями.

Специфика семейных правоотношений как глубоко личных предполагает такую возможность, тем более, что ст. 8 СК РФ не ограничивает защиту семейных прав теми способами, которые указаны в его нормах, допуская применение иных способов, что предполагает (или обуславливает?) более широкий спектр оснований применения компенсации морального вреда при нарушении семейных прав, в

том числе в связи с чинимыми препятствиями в общении с детьми [1, с. 97–98; 2, с. 160].

В то же время в соответствии с положениями ст. 4 СК РФ применение гражданского законодательства к семейным отношениям допускается, если это не противоречит существу семейных отношений, что приводит к отказам в иске о компенсации морального вреда в связи с создаваемыми препятствиями родственникам со стороны одного из родителей в общении с ребенком, в связи с тем, что положения действующего гражданского и семейного законодательства не предусматривают возможность его взыскания³. В литературе по семейному праву неоднократно обосновывалось, что это – ограничение, не основанное на законе [3, с. 82–83; 4, с. 105–106].

Исходя из универсальности компенсации морального вреда как меры ответственности при нарушении семейных прав, учеными неоднократно отмечалась необходимость включить в СК РФ положения о принципиальной допустимости применения этого способа защиты в семейных отношениях [5; 6, с. 20].

Т.В. Шершень, приводя пример позиции Верховного Суда РФ о том, что отсутствие в законодательном акте прямого указания на возможность компенсации причиненных нравственных или физических страданий по конкретным правоотношениям не всегда означает, что потерпевший не имеет права на возмещение морального вреда⁴, справедливо отмечает, что «законодатель, закрепив в статье 151 ГК РФ общий принцип компенсации морального вреда, не установил ограничений в отношении оснований такой компенсации», что влечет вывод об отсутствии законодательно установленных препятствий для

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 2.

² Обзор судебной практики по делам о признании брака недействительным: утв. Президиумом Верховного суда РФ 14 декабря 2022 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 3.

³ Определение Верховного Суда РФ от 8 апреля 2014 г. № 45-КГ13-22.

⁴ Определение Верховного Суда РФ от 1 октября 2013 г. № 5-КГ13-77.

применения к семейно-правовым отношениям вышеуказанного способа защиты [7, с. 332].

Одна из важнейших причин негативного отношения судов к принципиальной допустимости более широкого применения вышеназванной меры ответственности при нарушении семейных прав видится в отсутствии разработанных условий правонарушения, которое являлось бы основанием применения компенсации морального вреда, имея в виду, что такие условия с учетом специфики семейных отношений значительно отличаются от привычных условий гражданско-правовой ответственности.

Постановление Пленума ВС РФ № 33 создало предпосылки для изменения существующей правоприменительной практики. В соответствии с ним нравственные или физические страдания могут быть причинены действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага или нарушающими его личные неимущественные права – личную и семейную тайну, право на уважение родственных и семейных связей.

2. Право на уважение родственных и семейных связей как объект правовой защиты

Предметом исследования в данной работе избраны родственные и семейные связи, неуважение которых может являться основанием для компенсации причиненного морального вреда, что обусловлено и некоторой неопределенностью терминологии вышеназванного постановления.

Уважение родственных и семейных связей предполагает принятие этих связей во внимание, почтительное отношение, что позволяет полагать здесь частное проявление конституционного принципа – уважение к традиционным семейным ценностям [8, с. 1023].

Применительно к родственным и семейным связям также неясен круг субъектов. Родственные связи могут быть как подтвержденными соответствующим актом гражданского состояния, так и фактическими. Возникает выбор между правом и фактом. Также, учитывая, что используемый союз «и» может означать как необходимость наличия обоих признаков, так и достаточность одного, возникает вопрос: должны ли отношения между родственниками быть семейными?

Отсутствие даже приблизительного определения понятия «семья» и «член семьи» в СК РФ неоднократно являлось предметом обсуждения [9, с. 231; 10, с. 108] в юридической науке. Так, Н.Н. Тарусина отмечает необходимость легального дефинирования понятия «семья» и наличие «формирующейся тенденции на принятие подобной нормативно правовой задачи в теории семейного права и экспертно-проектной деятельности» [11, с. 39]. Судами признаки семейных отношений выявляются чаще применительно к жилищным, социально-обеспечительным и иным отношениям в зависимости от конкретной цели. Несомненно, динамика общественных изменений, появляющиеся новые вызовы предполагают необходимость оценки перспектив применения такого способа защиты, как компенсация морального вреда в семейных отношениях. Для этого требуется, как минимум, выявить содержание понятия «семья», включив его легальную дефиницию в СК РФ.

Следует учитывать, что потенциал применения компенсации морального вреда довольно широк, что предполагает необходимость разработки границ допустимости применения данной санкции. Личные неимущественные отношения составляют основу семейных отношений, и мало кто может обеспечить родственникам и супругам столько негативных переживаний, сколько члены семьи. Так, в случае лишения родительских прав вследствие жестокого обращения с ребенком последнему неизбежно причинен моральный вред, тем более если наличествует вред здоровью, психическому развитию, причем такой вред может быть неисправимым, невозполнимым, однако даже в этих случаях требования о компенсации морального вреда казуистичны.

О.Е. Репетева видит перспективы и в возмещении морального вреда в связи с безучастным поведением одного из супругов в браке, «когда при этом весь груз проблем несет другой и в домашних делах, и в заботах о детях, что не может не вызывать физических и нравственных страданий» [12, с. 93]. Таким образом, вопросы лимитирования применения вышеназванной меры ответственности также требуют решения.

Текущее правоприменение связано с балансом частных и публичных отношений, например, в связи с административным выдворением лица⁵, с компенсацией морального вреда в связи с причинением

⁵ Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 28 апреля 2021 г. № 12-КАД21-1-К6.

вреда жизни и здоровью члена семьи, в том числе родителя не родившегося ребенка⁶, с правом на получение выплат в связи с гибелью военнослужащего⁷ и т. п.

Среди обилия возможностей применения компенсации морального вреда в семейных отношениях рассмотрим вопрос о пределах ее допустимости в случае ограничения права на общение с ребенком отдельно проживающего родителя.

3. Уважение частной и семейной жизни и уважение родственных и семейных связей: соотношение понятий

В соответствии со ст. 8 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – Конвенция) человек имеет право на уважение частной и семейной жизни, в Постановлении Пленума ВС РФ № 33 отмечено, что подлежит защите право на уважение родственных и семейных связей. В целях выявления оснований (или отсутствия таковых) дифференциации вышеназванных понятий целесообразно выявить критерии частной и семейной жизни, применяемых Европейским Судом по правам человека (далее – ЕСПЧ). ЕСПЧ, решая вопрос о том, имеется ли нарушение семейной жизни, исходит из следующих предпосылок.

Наличие или отсутствие «семейной жизни» – вопрос факта, зависящий от реально существующих тесных личных связей, например наличие очевидного интереса и преданности отца ребенку как до рождения, так и после него⁸. Для установления факта семейной жизни не следует ограничиваться отношениями, основанными на браке, она может охватывать другие *de facto* «семейные» связи, когда стороны живут совместно вне брака. Ребенок, рожденный в результате таких взаимоотношений, является *ipso jure* частью данной «семьи» с момента и в силу самого факта его рождения⁹.

Необходимо учитывать, имеют ли место семейные отношения, тесные личные связи между людьми. Важными показателями таких связей является совместное проживание, чтобы семейные отношения могли нормально развиваться («Маркс против Бельгии»). Не меньшую значимость имеет факт

общения друг с другом, что составляет основополагающий элемент семейной жизни, даже если отношения между родителями прекратились. Сам по себе факт биологического родства без наличия личных отношений (при отсутствии искусственно создаваемых препятствий) недостаточен для вывода о наличии семейной жизни.

Рассматривая вопрос о нарушении права на уважение семейной жизни, необходимо прежде всего учитывать интересы ребенка. Родитель не может требовать принятия мер, способных причинить вред здоровью или развитию ребенка («Эльсхольц против Германии», «К.М. против Великобритании»). Необходимо учитывать мнение ребенка, если он не желает общаться с родителем, принуждение к встречам может нарушить эмоционально-психологическое состояние несовершеннолетнего («Соммерфельд против Германии»), тем более, что со временем возможно решение этого вопроса, учитывая взросление ребенка, проявление большей самостоятельности в оценке поступков окружающих, рост психологической устойчивости.

Тесные, близкие отношения, не отвечающие критериям «семейной жизни», могут подпадать под понятие «личная жизнь» («Знаменская против России») [13, с. 14; 14, с. 60].

Авторы комментария к Конвенции предлагают широкое понимание уважения к частной жизни, включая такие элементы, как: физическая, психологическая неприкосновенность; социальная идентичность личности; индивидуальность, личное развитие, право на установление и развитие отношений с людьми и с внешним миром; личное имя; семейное положение; определение правового режим между ребенком и его родителями (опекунами); половая и этническая принадлежность, сексуальная ориентация; личные сведения об убеждениях, здоровье, а также репутация [15, с. 131, 137].

Таким образом, понятие «частная жизнь» используется как наиболее широкое, включающее в себя все проявления тесных личных связей, не подпадающих под семейную жизнь.

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 2 марта 2023 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 17 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.В. Григорьевой» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 11. Ст. 1868.

⁷ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 28 октября 2019 г. № 25-КГ19-9.

⁸ Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «L. против Нидерландов» (L. v. Netherlands), жалоба № 45582/99, § 35, ECHR 2004-IV.

⁹ Постановление ЕСПЧ от 5 мая 2020 г. по делу «Узбаков (Uzbyakov) против Российской Федерации» (жалоба № 71160/13) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2021. № 2.

Обращает на себя внимание одновременное оперирование терминами «жизнь» и «связи» как непосредственно взаимосвязанными и взаимозависимыми.

Следовательно, можно сделать вывод о близости семантических полей и иллюзорности критериев разграничения вышеназванных понятий. Ранее было отмечено, что семейная жизнь – вопрос факта, в отношении же родственных и семейных связей не определено, имеются в виду фактические или юридические отношения (например, в случае установленного отцовства). Учитывая необходимость доказывания нарушения права, при рассмотрении судом спора этот вопрос непременно возникнет.

Однако при решении вопроса о возможности применения подходов ЕСПЧ к понятиям частной и семейной жизни необходимо учитывать специфику задач, решаемых судом. Европейский Суд рассматривает дела против государств, что предполагает публично-правовой аспект, он выявляет правовые нормы, нарушающие права и свободы человека, выявляет системные проблемы правоприменительной практики, толкуя Конвенцию.

В случае, когда решается частно-правовой конфликт, связанный с проявленным неуважением к родственным и семейным связям, недостаточна констатация фактов наличия этой связи и создания препятствий для общения и иных проявлений семейной жизни. Необходимо учитывать и другие элементы, что приводит к необходимости выявления условий ответственности за совершенный семейно-правовой деликт. Е.М. Ворожейкин определял семейные отношения как особые социальные отношения, построенные на лично-доверительной связи между их субъектами [16, с. 45], поэтому требуется взвешенный подход при определении оснований компенсации морального вреда при их нарушении.

4. Условия семейно-правовой ответственности при нарушении права на уважение семейных связей при ограничении в общении с ребенком отдельно проживающего родителя

Одной из очевидных сложностей при выявлении условий семейной ответственности в связи с неуважением семейных связей является телеологическая направленность права на общение на защиту прав и законных интересов ребенка, и предоставление права на общение должно исходить из стремления обеспечить его благополучие и развитие. Н.С. Шерстнева отмечает, что санкции в семейном праве выступают прежде всего как способ обеспечения защиты прав и интересов детей [17, с. 54].

Соответственно, при решении вопроса о возможности компенсации морального вреда родителю, которого ограничивают в возможности общения с ребенком, необходима не констатация факта нарушения права родителя на общение (*противоправность действия (бездействия)*), а выявление нарушения прав ребенка родителем, проживающим с ним. Необходимо учитывать привязанность ребенка, желание общаться с отдельно проживающим родителем, отсутствие объективных факторов, препятствующих общению (занятия, секции, болезнь ребенка, по месту нахождения отца или матери суд определил место общения). Могут наличествовать основания для временного ограничения общения с родителем. Возможны и признаки злоупотребления родительскими правами, квалификация которых относится к дискреции суда [18, с. 671–672].

Также следует учитывать, что взыскание денежной компенсации морального вреда неизбежно повлияет на имущественное положение второго родителя и, как следствие, ребенка, что требует учета имущественного положения нарушителя, равно как и факта надлежащего исполнения обязанностей самим потенциальным взыскателем, в том числе и обязанности по содержанию ребенка.

Таким образом, оценка противоправности должна происходить не с точки зрения прав родителя, которому препятствуют в общении с ребенком, а с точки зрения прав и законных интересов самого несовершеннолетнего, исходя из приоритета прав детей.

Правомерное поведение родителя, ограничивающего право ребенка на общение, если последнее наносит психологическую травму ребенку, в том числе и в связи с нерегулярными редкими встречами [19, с. 93], должно препятствовать удовлетворению требования о компенсации морального вреда.

При оценке действий родителя, проживающего с ребенком, необходимо учитывать следующие факторы:

– уважительные обстоятельства, препятствующих общению отдельно проживающего родителя или родственника с ребенком, отсутствуют; если органом опеки и попечительства или судом было принято решение о временном ограничении общения, незаконность наступит с момента вступления решения суда об отмене ограничений в законную силу (при оспаривании таковых);

– следует учитывать поведение родителя, настаивающего на общении: исполняет ли он обязанности по содержанию ребенка, каким образом вел себя в семье;

– невозможно применить меры ответственности по отношению к родителю, проживающему с ребенком, если сам ребенок негативно настроен, не знает второго родителя, возможно, в этом случае потребуется проведение психолого-педагогической экспертизы.

За рамками исследования оставим вопрос о фактическом и социальном родстве, поскольку лица, осуществлявшие воспитание ребенка (фактические воспитатели), тоже должны иметь право на общение с ним, как отмечено Е.Г. Комиссаровой, «невысокий научный “авторитет” этого понятия делает трудно-выполнимой задачу его соотнесения с другими научными и нормативными понятиями» [20, с. 220].

При оценке *вреда* следует учитывать, что право на уважение личных и семейных связей составляет важнейший элемент самоидентификации человека, также оно направлено на поддержание психического и социального благополучия.

Е.В. Ершова отмечает, что «разлученный родитель (как правило, отец ребенка) ставится в приниженное положение лица, которому в любой момент может быть отказано во внесудебном порядке в реализации его естественных, неотчуждаемых и фундаментальных родительских прав под предлогом обеспечения “наилучших интересов ребенка”» [21, с. 68–69]. Таким образом, причинение вреда выражается в нравственных страданиях родителя и, прежде всего, ребенка, которому необоснованным отказом от предоставления возможности общения наносится психологическая травма, что предполагает желательность проведения психологической экспертизы для оценки влияния ограничения общения со вторым родителем на ребенка. Необходимо учитывать и тот факт, что положения ст. 57 СК РФ о возрасте, с которого учет мнения ребенка становится обязательным, в научной литературе подвергаются сомнению. Так, Н.Н. Тарусина справедливо полагает необходимым учитывать индивидуальность ребенка [22, с. 159].

Осложняет доказывание и «отложенный» характер вреда, который может проявиться много позднее ослабленными личными связями, отсутствием взаимопонимания, сложностями общения с противоположным полом.

О.А. Ситкова среди специфичных черт семейных санкций отмечает их праввосстановительный характер, что предполагает, в том числе, ослабление эффекта отложенного вреда [23, с. 134].

Причинно-следственная связь между противоправным поведением и причиняемым моральным

вредом предполагается, однако родитель, проживающий с ребенком, имеет право доказывать ее отсутствие.

Исходя из ранее отмеченных характеристик противоправности поведения нарушителя и специфики причиняемого вреда, представляется, что условием компенсации морального вреда в личных семейных отношениях в связи с реализацией права ребенка на общение должна быть *умышленная форма вины*, когда основной целью родителя, проживающего с ребенком, исходя лишь из эгоистических желаний, является разрыв (нередко болезненный) имеющегося чувства привязанности ребенка ко второму родителю.

Только в таком случае целесообразно решение вопроса о компенсации морального вреда, учитывая воспитательный эффект этой меры [24, с. 84]. Как отмечает А.В. Даниленков, «это мера публичного осуждения, стигматизация причинителя вреда и признание модели его поведения в качестве недопустимой, упречной и предосудительной с точки зрения норм общественной морали и нравственности, облеченных в форму правового запрета» [25, с. 155].

Предъявление иска о компенсации морального вреда вследствие неуважения родственных и семейных связей в связи с уклонением второго родителя, опекуна (попечителя) от предоставления возможности общения с ребенком предполагает наличие попыток урегулировать разногласия, в том числе в судебном порядке, установив порядок общения с ребенком. Также возможным подтверждением факта нарушения права может быть розыск ребенка, неправомерно, без предупреждения, увезенного вторым родителем. Вышеуказанное предполагает необходимость юридического подтверждения родственной связи с ребенком и установленного отцовства (материнства).

5. Заключение

Уважение родственных и семейных связей предполагает принятие и поддержку традиционных семейных ценностей, что и предопределило возможность компенсации морального вреда при посягательстве на них, предусмотренную Постановлением Пленума ВС РФ № 33. Текущая правоприменительная практика, как правило, связана с требованиями о компенсации морального вреда в связи со смертью члена семьи, назначением пенсии по потере кормильца и т. п.

Предметом рассмотрения в рамках настоящей статьи стала принципиальная возможность предъявления требования о компенсации морального

вреда, причиненного отказом родителя в предоставлении возможности общения с ребенком и участия в его воспитании отдельно проживающему родителю. Выявлена необходимость расширения предмета доказывания по такому спору с включением в него следующих обстоятельств. Наличие объективных препятствий для общения, которые могут быть связаны как с ребенком (болезнь, нежелание ребенка общаться с родителем), так и с личностью самого отдельно проживающего родителя, общение с кото-

рым может негативно отразиться на ребенке. Необходимо учитывать мнение и интересы ребенка. Также следует учитывать и действия самого родителя, требующего компенсации морального вреда, так, если он уклоняется от обязанностей по содержанию своего ребенка, предполагаем возможность отказа в иске. Принятие решения о компенсации морального вреда предполагает учет вины причинителя и его мотивы, которые должны не соответствовать интересам ребенка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Козырева Е. В. О расширении границ применения компенсации морального вреда как способа защиты семейных прав граждан / Е. В. Козырева, Н. В. Новикова // Социально-правовые аспекты трансформации института современной семьи в контексте реализации государственной семейной политики : сб. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию принятия Семейн. кодекса Рос. Федерации / под общ. ред. О. Ю. Ильиной. – Тверь : ТвГУ, 2020. – С. 97–101.
2. Тагаева С. Н. К проблеме компенсации морального вреда в семейном праве / С. Н. Тагаева // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2012. – № 1. – С. 157–164.
3. Елисеева А. А. О совершенствовании семейного законодательства в области правового регулирования личных неимущественных отношений / А. А. Елисеева // Журнал российского права. – 2010. – № 3. – С. 82–89.
4. Эрделевский А. М. Компенсация морального вреда. Анализ и комментарий законодательства и судебной практики / А. М. Эрделевский. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Волтерс Клувер, 2004. – 320 с.
5. Данилян М. А. Имущественная ответственность за неисполнение алиментных обязательств в пользу несовершеннолетних детей / М. А. Данилян // Практика исполнительного производства. – 2011. – № 6. – С. 38–41.
6. Макеева О. А. Ответственность в алиментных обязательствах – основные особенности и порядок реализации / О. А. Макеева // Семейное и жилищное право. – 2010. – № 1. – С. 17–20.
7. Шершень Т. В. Компенсация морального вреда в системе способов защиты семейных прав / Т. В. Шершень // Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов : сб. науч. ст. / отв. ред. В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. – М. : Статут, 2017. – С. 328–334.
8. Кравчук Н. В. Уважение традиционных семейных ценностей как конституционный принцип / Н. В. Кравчук // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2022. – № 17-1. – С. 1023–1025.
9. Мананкова Р. П. Общая долевая собственность. Правовой статус членов семьи : основ. тр. проф. Том. гос. ун-та Р. П. Мананковой / Р. П. Мананкова. – М. : Статут, 2021. – 744 с.
10. Рабец А. М. Место семьи в правовом пространстве: юридическая характеристика семьи в Российской Федерации и в отдельных зарубежных государствах (нормотворческий опыт и проблемы) / А. М. Рабец // Lex russica. – 2022. – Т. 75, № 11. – С. 100–111. – DOI: 10.17803/1729-5920.2022.192.11.100-111.
11. Тарусина Н. Н. Семейные ценности под эгидой права: новое в традиции и традиция в новом / Н. Н. Тарусина // Lex russica. – 2023. – Т. 76, № 1. – С. 33–52. – DOI: 10.17803/1729-5920.2023.194.1.033-052.
12. Репетева О. Е. Семейные правонарушения и ответственность за их совершение / О. Е. Репетева // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2011. – № 4. – С. 91–93.
13. Тимофеев М. Т. Право на уважение частной и семейной жизни в контексте захоронения родственников в практике Европейского Суда по правам человека / М. Т. Тимофеев // Международное правосудие. – 2013. – № 2 (6). – С. 12–24.
14. Тихомирова А. В. Право на уважение частной и семейной жизни: международное и внутригосударственное регулирование / А. В. Тихомирова // Юридические науки: проблемы и перспективы : материалы VII Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2018 г.). – Казань : Молодой ученый, 2018. – С. 57–61.
15. Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике ее применения / под общ. ред. д-р юрид. наук, проф. В. А. Туманова и д-ра юрид. наук, проф. Л. М. Энтина. – М. : Норма, 2002. – 265 с.

16. Ворожейкин Е. М. Семейные правоотношения в СССР / Е. М. Ворожейкин. – М., 1972. – 335 с.
17. Шерстнева Н. С. Семейно-правовая сущность принципа обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних / Н. С. Шерстнева // Современное право. – 2006. – № 3. – С. 51–56.
18. Ульянова М. В. Пределы осуществления семейных прав / М. В. Ульянова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2022. – Вып. 58. – С. 658–682. – DOI: 10.17072/1995-4190-2022-58-658-682.
19. Жога Е. Ю. Семейно-правовые санкции как вид юридической ответственности / Е. Ю. Жога, А. Ю. Васенин, О. Ю. Тхаровская // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. – № 3. – С. 91–93.
20. Комиссарова Е. Г. Доктрина непосредственного (фактического) родительства в российском и зарубежном семейном праве / Е. Г. Комиссарова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2022. – Вып. 56. – С. 208–238. – DOI: 10.17072/1995-4190-2022-56-208-238.
21. Ершова Е. В. Девиантное поведение родителей и возможность компенсации морального вреда: теория и практика реализации / Е. В. Ершова // Девиантология родительства : сб. науч. тр. / сост. Е. В. Куканова ; отв. ред. Е. В. Куканова. – М., 2016. – С. 65–70.
22. Тарусина Н. Н. Правосубъектность ребенка: актуализация возможностей и их ограничения / Н. Н. Тарусина, Е. В. Конева, С. В. Симонова // Правоприменение. – 2023. – Т. 7, № 1. – С. 155–164. – DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(1).155-164.
23. Ситкова О. Ю. Санкции в семейном праве: меры защиты и меры ответственности / О. Ю. Ситкова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2014. – № 2 (97). – С. 132–135.
24. Матанцев Д. А. Возмещение вреда как санкция в семейном праве / Д. А. Матанцев // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 5 (78). – С. 82–86. – DOI: 10.17803/1994-1471.2017.78.5.082-086.
25. Даниленков А. В. Компенсация морального вреда в семейных отношениях / А. В. Даниленков // Закон. – 2015. – № 7. – С. 152–157.

REFERENCES

1. Kozyreva E.V., Novikova N.V. About expanding the boundaries of application of moral harm compensation as a method of protecting the family rights of citizens, in: Ilyina O.Y. (ed.). *Sotsial'no-pravovye aspekty transformatsii instituta sovremennoi sem'i v kontekste realizatsii gosudarstvennoi semeinoi politiki*, Collection of articles based on the materials of the international scientific and practical conference dedicated to the 25th anniversary of the adoption of the Family Code of the Russian Federation, Tver, Tver State University Publ., 2020, pp. 97–101. (In Russ.).
2. Tagaeva S.N. On the problem of compensation for moral harm in family law. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2012, no. 1 (61), pp. 157–164. (In Russ.).
3. Eliseeva A.A. On improving family legislation in the field of legal regulation of personal non-property relations. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2010, no. 3, pp. 82–89. (In Russ.).
4. Erdelevsky A.M. *Compensation for moral damage. Analysis and commentary of legislation and judicial practice*, 3rd ed. Moscow, Wolters Kluwer Publ., 2004. 320 p. (In Russ.).
5. Danilyan M.A. Property liability for non-fulfillment of alimony obligations in favor of minor children. *Praktika ispolnitel'nogo proizvodstva = Practice of enforcement proceedings*, 2011, no. 6, pp. 38–41. (In Russ.).
6. Makeeva O.A. Responsibility in alimony obligations - main features and implementation procedure. *Semeinoe i zhilishchnoe pravo = Family and housing law*, 2010, no. 1, pp. 17–20. (In Russ.).
7. Shershen T.V. Compensation for moral harm in the system of ways to protect family rights, in: Golubtsov V.G., Kuznetsova O.A. (eds.). *Seventh Perm Congress of Legal Scientists*, Collection of scientific articles, Moscow, Statut Publ., 2017, pp. 328–334. (In Russ.).
8. Kravchuk N.V. Respect for traditional family values as a constitutional principle. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya = Russia: trends and development prospects*, 2022, no. 17-1, pp. 1023–1025. (In Russ.).
9. Manankova R.P. *Shared ownership. The legal status of family members*, The main works of Professor of Tomsk State University R.P. Manankova. Moscow, Statut Publ., 2021. 744 p. (In Russ.).
10. Rabets A.M. The Place of Family in the Legal Space: Legal Characteristics of Family in the Russian Federation and in Some Foreign Countries. Rule-Making Experience and Problems. *Lex Russica*, 2022, vol. 75, no. 11. pp. 100–111. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.192.11.100-111. (In Russ.).

11. Tarusina N.N. Family Values under the Auspices of Law: The New in Tradition and Tradition in the New. *Lex Russica*, 2023, vol. 76, no. 1, pp. 33–52. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.194.1.033-052. (In Russ.).
12. Repeteva O.E. Family offenses and liability for their commission. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2011, no. 4, pp. 91–93. (In Russ.).
13. Timofeev M.T. The right to respect for private and family life in the context of the burial of relatives in the practice of the European Court of Human Rights. *Mezhdunarodnoe pravosudie = International Justice*, 2013, no. 2 (6), pp. 12–24. (In Russ.).
14. Tikhomirova A.V. The right to respect for private and family life: international and domestic regulation, in: *Yuridicheskie nauki i problemy: perspektivy*, Proceedings of the VII International Scientific Conference (Kazan, May 2018), Kazan, Molodoi uchenyi Publ., 2018, pp. 57–61. (In Russ.).
15. Tumanov V.A., Entin L.M. (eds.). *Commentary on the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and the practice of its Application*. Moscow, Norma Publ., 2002. 265 p. (In Russ.).
16. Vorozheikin E.M. *Family relationship in the USSR*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1972. 335 p. (In Russ.).
17. Sherstneva N.S. Family legal essence of the principle of ensuring priority protection of the rights and interests of minors. *Sovremennoe pravo*, 2006, no. 3, pp. 51–56. (In Russ.).
18. Ulianova M.V. Limits of the Exercise of Family Rights. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2022, iss. 58, pp. 658–682. DOI: 10.17072/1995-4190-2022-58-658-682. (In Russ.).
19. Zhoga E.Yu., Vasenin A.Yu., Tharovskaya O.Yu. Family law sanctions as a type of legal liability. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, social-economic and social sciences*, 2019, no. 3, pp. 91–93. (In Russ.).
20. Komissarova E.G. The Doctrine of de facto Parenthood in Russian and Foreign Family Law. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2022, iss. 56, pp. 208–238. DOI: 10.17072/1995-4190-2022-56-208-238. (In Russ.).
21. Ershova E.V. Deviant behavior of parents and the possibility of compensation for moral harm: theory and practice of implementation, in: Kukanova E.V. (comp.), Kukanova E.V. (ed.). *Deviantologiya roditel'stva*, Collection of scientific papers, Moscow, 2016, pp. 65–70. (In Russ.).
22. Tarusina N.N., Koneva E.V., Simonova S.V. Child's legal personality: actualization of opportunities and their limitations. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2023, vol. 7, no. 1, pp. 155–164. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(1).155-164.
23. Sitkova O.Yu. Sanction in family law: protection measures and responsibility measures. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Saratov State Law Academy Bulletin*, 2014, no. 2 (97), pp. 132–135. (In Russ.).
24. Matantsev D.A. Compensation for injury as a sanction in family law. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2017, no. 5 (78), pp. 82–86. DOI: 10.17803/1994-1471.2017.78.5.082-086. (In Russ.).
25. Danilenkov A.V. Compensation for moral harm in family relations. *Zakon*, 2015, no. 7, pp. 152–157. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Темникова Наталья Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права
Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: nat_temnikova@mail.ru
SPIN-код РИНЦ: 3675-5504; AuthorID: 540047

Невзгодина Елена Львовна – кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный работник высшей

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Natalia A. Temnikova – PhD in Law, Associate Professor, Department of Civil Law
Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: nat_temnikova@mail.ru
RSCI SPIN-code: 3675-5504; AuthorID: 540047

Elena L. Nevzgodina – PhD in Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Honoured Worker of Higher School of the Russian Federation,

школы Российской Федерации, заслуженный профессор ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, заведующий кафедрой гражданского права
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: kaf_GP_302@mail.ru
SPIN-код РИНЦ: 3790-3180; AuthorID: 549703

Honoured Professor of Dostoevsky Omsk State University; Head, Department of Civil Law
Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: kaf_GP_302@mail.ru
RSCI SPIN-code: 3790-3180; AuthorID: 549703

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Темникова Н.А. Компенсация морального вреда при нарушении прав на уважение родственных и семейных связей / Н.А. Темникова, Е.Л. Невзгодина // Правоприменение. – 2024. – Т. 8, № 1. – С. 92–101. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(1).92-101.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Temnikova N.A., Nevzgodina E.L. Compensation for moral harm in violation of the right to disrespect for kinship and family ties. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 1, pp. 92–101. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(1).92-101. (In Russ.).